

12+

ВИКТОР КОРОЛЬКОВ

Реконкиста: Крестовый поход за Испанию

Виктор Корольков

**Реконкиста: Крестовый
поход за Испанию**

«Издательские решения»

Корольков В. Н.

Реконкиста: Крестовый поход за Испанию / В. Н. Корольков —
«Издательские решения»,

Эта книга рассказывает о Реконкисте как о великом походе за Испанию. От катастрофы 711 года и первых очагов сопротивления до взятия Толедо, Кордовы, Севильи и падения Гранады — перед читателем раскрывается история веры, войны, королей, орденов и многовековой борьбы за возвращение страны.

Содержание

Реконкиста и крестовый поход в средневековой Испании	6
Предисловие	6
Глава 1. Испания после 711 года: память о потере и язык возвращения	8
711—714 годы: крушение королевства и первые формы нового порядка	9
Хроника 754 года: свидетель катастрофы, а не манифест восстановления	10
От разорения к удержанию севера	11
Пелайо и Ковадонга: событие и память	12
Альфонсо I и рождение пограничного пространства	13
Альфонсо II: от выживания к политической форме	14
АСТУРИЙСКИЕ ХРОНИКИ IX ВЕКА	15
АЛЬФОНСО III И ПРОРОЧЕСКОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ РАННЕЙ СХЕМЫ	16
Неоготская идея и наследие Исидора Севильского	17
Спор историков: ранний идеал, поздняя конструкция или эволюция идеи	18
Историческая идея до большой политики	19
Глава 2. Между пограничной войной и политическим расчётом: христиане и мусульмане в XI веке	20
Pagias как политическая технология христианского усиления	21
Коимбра 1064 года: западный рубеж христианского продвижения	22
Фернандо I и военная экономика давления	23
Граус, Барбастро и северо-восточный театр войны	24
Сарагоса как школа пограничной политики	27
Бадахос и западный баланс сил	29
Альфонсо VI и пределы политики арбитража	30
Сид и Валенсия: человек эпохи, а не только герой памяти	32
Толедо 1085 года: от давления к завоеванию	34
Саллака 1086 года: битва, изменившая масштаб войны	37
Кунсегра и затянувшийся кризис конца столетия	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Реконкиста: Крестовый поход за Испанию

Виктор Николаевич Корольков

© Виктор Николаевич Корольков, 2026

ISBN 978-5-0070-0227-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Реконкиста и крестовый поход в средневековой Испании

Предисловие

Военная борьба на Пиренейском полуострове принадлежит к числу тех исторических процессов, без которых невозможно понять не только судьбу средневековой Испании, но и более широкий облик латинского христианского мира. Слишком долго, однако, эта борьба рассматривалась либо как явление сугубо местное, замкнутое в пределах испанской истории, либо как второстепенное приложение к крестовым походам на Восток. Между тем Реконкиста была не периферийным эпизодом европейского Средневековья, а одним из важнейших театров великой борьбы, в которой христианский Запад стремился вернуть земли, утраченные под ударами ислама, и восстановить на них тот порядок, который мыслился законным, древним и освящённым самой исторической памятью.

Настоящая книга исходит из убеждения, что Реконкисту недостаточно понимать лишь как череду войн между соседними государствами, как медленное движение границы или как удобный историографический ярлык. Для людей эпохи она всё более становилась делом высшего религиозного и исторического смысла. В сознании христианских хронистов, королей, епископов и воинов Испания была не просто спорной территорией, а землёй, утраченное единство которой должно было быть восстановлено. Поэтому борьба против мусульман на полуострове мыслилась не как обычная война за добычу или престиж, но как война за возвращение, за освобождение и за восстановление нарушенного порядка.

Именно в этом заключается главный тезис книги: Реконкиста в своей зрелой форме была не чем иным, как большим западным крестовым походом. Она складывалась постепенно, не сразу обретая законченный язык и юридическую форму, но по мере развития папской политики, проповеди, индульгенций, крестоносных обетов и участия общехристианских сил испанская война всё отчётливее входила в пространство латинской священной войны. Если крестовый поход на Восток был направлен к Гробу Господню, то Реконкиста была направлена к освобождению самой Испании, мыслившейся как часть христианского мира, временно отторгнутая, но не утратившая права на возвращение.

Разумеется, эта борьба никогда не была простой и однозначной. В ней действовали политический расчёт, династические амбиции, соперничество христианских государей, интересы знати, городов и военных орденов. На полуострове не раз заключались временные союзы через границу веры, война переплеталась с дипломатией, а религиозный язык соседствовал с самой жёсткой прагматикой фронта. Но признание этой сложности не отменяет общего направления исторического движения. Напротив, оно делает его более зримым. За всеми переменчивыми формами политической практики всё явственнее выступала одна большая цель: вытеснение мусульманской власти с тех земель, которые христианские авторы и правители считали принадлежащими законной Испании.

Поэтому Реконкиста должна рассматриваться одновременно в двух измерениях. С одной стороны, это была реальная пограничная война — с набегами, осадами, пленом, выкупом, заселением и долгой борьбой за крепости, города, долины и порты. С другой стороны, это была

война памяти и идеи: война, в которой поражение 711 года не было забыто, а превращено в исходную точку многовекового стремления к возвращению. В этом смысле Реконкиста была не просто серией кампаний, а историей освобождения, осмысленного как возвращение своего.

Особенно важно и то, что испанская война не может быть понята вне общеевропейского контекста. Папство не создало Реконкисту, но придало ей новую форму и новую высоту смысла. Благодаря папским посланиям, духовным льготам и крестоносной проповеди война на полуострове всё чаще представлялась не только делом местных королей, но и частью общехристианского усилия. Испания становилась не окраиной, а одним из центральных рубежей латинского мира. Здесь, как и в Святой земле, шла борьба за возвращение христианского пространства; здесь, как и на Востоке, война всё более получала характер священного служения, в котором оружие соединялось с покаянием, а победа — с надеждой на спасение.

Вместе с тем книга не стремится подменить историю лозунгом. Её задача состоит не в том, чтобы сгладить противоречия эпохи, а в том, чтобы показать, как из памяти о потере, из неоготской идеи, из политики папства, из практики фронта и из больших побед XII—XV веков сложился один из величайших процессов средневековой Европы. Именно в этой перспективе становятся понятны и Толедо, и Сарагоса, и Лас-Навас-де-Толоса, и Кордова, и Севилья, и, наконец, Гранада. Все эти события были не просто отдельными успехами, а этапами долгого освобождения, через которое христианская Испания возвращала себе пространство, историю и право.

1492 год в этой книге понимается не как случайная дата и не только как победа Католических королей. Это итог длинного исторического движения, в котором соединились память, вера, политика и война. Падение Гранады означало завершение последнего мусульманского государства на полуострове и потому воспринималось современниками как исполнение того дела, которое столетиями осмыслялось как возвращение Испании христианскому миру. Но именно потому этот финал требует не только торжественного, но и трезвого анализа: что именно завершилось тогда, каким образом это было достигнуто и какой ценой было оплачено.

Настоящее исследование предлагает смотреть на Реконкисту не как на местную аномалию и не как на предварительный акт более важной восточной истории, а как на одно из главных выражений крестоносной эпохи Запада. В Испании крестовый поход обрёл длительность, глубину и связь с идеей освобождения собственной земли. Здесь война против ислама была не походом в далёкую страну, а многовековой борьбой за возвращение того, что мыслилось своим по праву, по памяти и по вере. Именно поэтому история Реконкисты есть история не только завоевания, но и освобождения — в том смысле, в каком это слово понимали люди Средневековья, для которых восстановление христианской Испании было одновременно политическим долгом, религиозным делом и актом исторической справедливости.

Глава 1. Испания после 711 года: память о потере и язык возвращения

Разговор о реконкисте слишком часто начинается с уже готового вывода: будто бы после 711 года христианская Испания сразу обрела ясную историческую программу и на протяжении многих веков последовательно шла к её исполнению. Такое представление удобно, но именно поэтому искажает материал. В раннем Средневековье мы видим не завершённую идеологию, а медленное складывание языка, при помощи которого христианские авторы объясняли катастрофу вестготского королевства, оправдывали новую власть на севере и постепенно формулировали мысль о возвращении утраченного.

Исходной точкой для этой традиции было не торжественное начало новой эпохи, а переживание распада. Разгром Родриго и мусульманское завоевание Испании воспринимались позднейшими авторами как событие переломное и почти космическое по последствиям. Но особенно важно то, что ближайший по времени латинский источник — так называемая `Хроника 754 года` — ещё не строит законченной программы восстановления. Её автор, христианин, живший уже под мусульманской властью в аль-Андалусе, писал прежде всего как свидетель крушения старого порядка. Для него важнее всего масштаб бедствия, распад политического единства и нравственная растерянность общества. Именно поэтому ранний пласт испанской историографии лучше понимать как литературу утраты, а не как литературу заранее осмысленного возвращения.

711—714 годы: крушение королевства и первые формы нового порядка

Чтобы яснее увидеть, как рождается память о потере, полезно ненадолго отступить от языка позднейших хроник и вспомнить сам ход событий. Разгром Родриго при Гвадалете в 711 году действительно был переломом: он не просто уничтожил одного короля, а резко ослабил тот политический центр, который ещё удерживал вестготскую Испанию как целое. Но и здесь важно избегать слишком простой схемы. Королевство не исчезло в один день. После Гвадалете последовала серия быстрых подчинений, переговоров, сдач городов и переходов местной знати на новые условия. Уже поэтому память о катастрофе с самого начала была связана не только с образом великой битвы, но и с опытом стремительного распада привычного порядка.

Именно поэтому раннее мусульманское продвижение в Испании следует понимать не как одну непрерывную военную лавину, а как сочетание силы, устрашения и договорных форм подчинения. Особенно показателен здесь договор с Теодемиром 713 года — один из самых ранних сохранившихся примеров капитуляции после завоевания. Он предусматривал признание новой власти, ежегодные выплаты и лояльность, но одновременно обещал, что местное христианское население не будет принуждаться в вопросах веры. Этот документ важен не только как юридическая деталь. Он показывает, что уже на раннем этапе речь шла не просто о военном разрушении, но и о включении испанских земель в новый порядок через систему подчинения, налогов и гарантированной, но ограниченной, религиозной терпимости.

Хроника 754 года: свидетель катастрофы, а не манифест восстановления

Такой контекст позволяет точнее понять и значение `Хроники 754 года`. Её автор писал уже не в момент самой военной катастрофы, а в мире, где последствия завоевания стали повседневностью. Именно поэтому в его словах так ощутима не риторика будущей победы, а чувство необъятного бедствия. Он замечает, что человеческая природа не в силах поведать обо всём разорении Испании. Эта формула важна не только своей эмоциональной силой. Она показывает, что первый христианский отклик на 711 год был прежде всего опытом утраты и недоумения перед масштабом крушения.

Роль `Хроники 754 года` трудно переоценить именно потому, что она стоит ближе других латинских текстов к самой катастрофе. Её автор не писал из безопасной дистанции позднейшей астурийской победительной памяти. Он находился в мире, где мусульманское завоевание уже совершилось, а старые политические опоры были уничтожены или радикально ослаблены. В этом тексте нет ещё ясной схемы будущего «возвращения Испании»; есть прежде всего попытка понять, как столь крупное королевство могло так быстро распасться.

Именно эта черта делает хронику особенно ценной для историка. Она показывает, что ранняя христианская реакция на 711 год строилась не как военная программа, а как работа скорби и объяснения. Мусульманское господство здесь — уже реальность, но реальность, ещё не встроенная в сколько-нибудь ясную схему христианского ответа. Поэтому `Хроника 754 года` задаёт первый слой памяти: Испания мыслится как потерянное политическое целое, но ещё не как пространство будущего систематического восстановления.

От разорения к удержанию севера

И всё же в той же самой истории уже очень рано появляется второй мотив: не полного исчезновения, а сохранённого остатка. Северные горные районы не стали полноценным ядром мусульманской власти. Это не означало ни быстрого восстановления христианской Испании, ни немедленной политической консолидации уцелевших земель. Но именно это частичное выпадение севера из зоны прочного мусульманского контроля имело решающее значение. Оно создавало предпосылку для того, что позднейшая астурийская память превратит в главный аргумент своей легитимности: Испания была не уничтожена окончательно, а сохранила очаг, из которого однажды могло начаться восстановление.

Сначала речь шла не о готовой программе возвращения всей страны, а о самом факте непрекращённого существования христианской власти в той или иной форме. Пока старые центры юга и центра были потеряны, север сохранял не столько силу, сколько возможность продолжения. Именно здесь проходит граница между полным крушением и историческим выживанием. Если бы мусульманская власть одинаково глубоко укоренилась по всему полуострову, позднейшая идея восстановления лишилась бы своей главной опоры. Но этого не произошло. На севере сохранилось пространство, где поражение ещё не означало окончательной ликвидации.

Поэтому значение северных земель состояло не только в их труднодоступности. Горы и слабая связность сами по себе ещё не создавали новой монархии, но давали время. Север был слишком беден, чтобы сразу стать базой большого наступления, и всё же достаточно устойчив, чтобы не исчезнуть. Именно эта форма ограниченного, но реального выживания и стала первой исторической основой будущей Астурии.

Именно здесь исторический факт постепенно переходит в исторический смысл. То, что сначала было лишь удержанием трудного края, позднее стало читаться как знак незавершённости мусульманской победы. Астурийская и затем леонская традиция превратит это обстоятельство в язык преемства: законная Испания не погибла совсем, а сохранилась в остатке. Тем самым север переставал быть простой периферией и становился местом, где история не закончилась, а только изменила свою форму.

здесь исторический факт постепенно переходит в исторический смысл.

Пелайо и Ковадонга: событие и память

Фигура Пелайо особенно важна именно на границе между событием и памятью. Пелайо — это правитель ранней Астурии, которого испанская христианская традиция поставила у истоков сопротивления после мусульманского завоевания 711 года. В этой традиции он важен не просто как местный вождь северных гор, а как первый носитель сохранённой христианской власти на полуострове. Именно поэтому его образ со временем приобретает значение, далеко выходящее за пределы одной области: с именем Пелайо начинают связывать мысль о том, что Испания была не уничтожена окончательно, а сохранила в Астурии очаг, из которого позднее начнётся восстановление.

С этим связан и особый смысл Ковадонги. Ковадонга — это горное место в Астурии, где около 720—722 годов Пелайо и его люди одержали победу над мусульманским отрядом. Военное значение этой победы определялось не размером сражения, а её результатом: в тяжёлой горной местности астурийцы сумели не только удержаться, но и нанести поражение противнику. Тем самым Ковадонга стала первым громким знаком того, что после катастрофы 711 года на полуострове существует не только линия поражения, но и линия сохранения.

В этом смысле особенно выразительна Хроника Альфонсо III, вкладывающая в уста Пелайо слова о том, что спасение Испании придёт «с этой малой горы». Значение этой сцены огромно. В ней местное сопротивление уже понимается не как случайный горный эпизод, а как начало будущего восстановления всей Испании. Именно так позднейшая астурийская память превращает Пелайо из правителя небольшого северного ядра в фигуру исторической преемственности, а Ковадонгу — в сцену происхождения ранней Реконкисты.

Альфонсо I и рождение пограничного пространства

После Пелайо и Фавилы особенно важным становится правление Альфонсо I. Здесь раннеастурийская история впервые приобретает более широкий территориальный размах. Восстание берберских гарнизонов в 740-х годах и последовавшая внутренняя смута в исламской Испании дали астурийской власти возможность расширить своё королевство, включить Галисию и продвинуться дальше к югу. Но столь же важно другое: из-за нехватки людей это продвижение не превращалось в прочный контроль над равнинами, и между Астурией и владениями Кордовы всё яснее оформлялась широкая, сравнительно малонаселённая пограничная зона.

Это обстоятельство имеет огромное значение для всей последующей истории. Оно показывает, что ранняя реконкиста была не просто движением линии фронта, а созданием особого пространства между мирами — пространства, где власть оказывалась не сплошной, а прерывистой, где война, заселение и опустошение были тесно связаны. Позднейшие успехи Леона и Кастилии были бы невозможны без этого раннего формирования фронта. Иначе говоря, Альфонсо I важен не только как расширитель владений, но и как один из тех правителей, при которых северное христианское ядро впервые научилось превращать кризис мусульманского юга в стратегическое преимущество.

Одновременно именно при нём особенно ясно ощущается двойственность всей ранней истории. С одной стороны, хроники позднее будут читать эти продвижения как подтверждение восстановления законного порядка. С другой — в реальности перед нами ещё не победоносная реконкиста, а хрупкая политика выживания, использующая моменты слабости противника. Эта двойственность чрезвычайно важна: она не позволяет превратить VIII век в слишком стройный пролог будущей испанской победы и тем самым делает дальнейшую эволюцию идеи ещё убедительнее.

Альфонсо II: от выживания к политической форме

Не меньшую роль сыграл и Альфонсо II. Если Альфонсо I расширил пространство выживания и придал северному христианскому ядру большую устойчивость, то Альфонсо II придал астурийскому государству более ясную политическую форму. Именно при нём Овьедо утвердилось как устойчивый центр королевской власти, а сама монархия стала заметно последовательнее оформлять свою связь с утраченным вестготским прошлым.

Не менее важным было и укрепление культа святого Иакова в Галисии. Речь идёт о Сантьяго-де-Компостела — городе на северо-западе Испании, где, согласно христианской традиции, были обретены мощи апостола Иакова. Постепенно этот центр приобрёл огромное религиозное значение и связал северо-запад Испании с более широким латинским христианством.

Овьедо давало астурийской монархии устойчивый политический центр, а Сантьяго-де-Компостела — сакральный авторитет и более широкую связь с христианским Западом. Идея восстановления начинала опираться уже не только на память и хроники, но и на реальные центры власти и культа.

АСТУРИЙСКИЕ ХРОНИКИ IX ВЕКА

Совсем иной этап мы видим в астурийской письменности конца IX века. *Crónica Albeldense*, составленная около 881 года, Пророческая хроника, датируемая 883 годом, и обе редакции Хроники Альфонсо III, оформившиеся в конце IX — начале X века, были созданы уже в политической среде, где северное христианское государство не только существовало, но и сознательно искало для себя широкую историческую легитимацию. Эти тексты возникли не как простая запись событий, а как попытка объяснить, почему после катастрофы 711 года христианская власть на полуострове не исчезла окончательно.

Именно здесь утрата Испании получает законченное историографическое продолжение. Мусульманское завоевание начинает описываться не как окончательная гибель законной власти, а как временный разрыв в её истории. Астурийские хроники связаны с ранней неоготской идеей: северная монархия представляла себя не случайным горным княжеством, а продолжением и будущим восстановителем вестготской Испании.

Этот сдвиг имел принципиальное значение. В отличие от более ранней Хроники 754 года, где катастрофа ещё воспринимается прежде всего как бедствие и распад, астурийские тексты уже стремятся встроить поражение в более широкий порядок смысла. Завоевание объясняется как наказание за грехи, а сохранение христианского севера — как знак того, что история ещё не завершена. Так возникает новая схема: падение, испытание, сохранение и будущее восстановление.

Благодаря этому сама северная монархия начинает выглядеть не просто удачно уцелевшей властью, а носителем исторической задачи. Астурийские хроники впервые дают христианской Испании не только память о поражении, но и форму рассказа, в котором поражение уже содержит в себе возможность будущего возвращения.

АЛЬФОНСО III И ПРОРОЧЕСКОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ РАННЕЙ СХЕМЫ

Эпоха Альфонсо III стала моментом, когда эта ранняя астурийская схема получила особенно ясное выражение. Если астурийские хроники в целом создавали язык преемства, то при Альфонсо III он становится почти программным. Северная монархия уже не просто помнит о погибшем вестготском королевстве, но всё увереннее говорит от имени его законного продолжения.

Особенно показательна здесь Пророческая хроника. В ней мусульманское владычество в Испании включено в схему библейского наказания и будущего воздаяния. Оно мыслится не как вечное состояние, а как ограниченный срок испытания, после которого должно последовать восстановление христианской власти. Поэтому текст говорит уже не только о надежде, но и об ожидаемой исторической развязке: «царство готов будет восстановлено», а «мир святой церкви Христовой будет восстановлен».

Не менее выразительна и Хроника Альфонсо III. Именно в ней в уста Пелайо вложены слова о том, что спасение Испании придёт «с этой малой горы». Эта формула необычайно важна. В ней Ковадонга и северное сопротивление уже понимаются не как местный эпизод выживания, а как начало возвращения всей Испании. То, что в VIII веке было малым горным очагом христианской силы, в историографии Альфонсо III превращается в исходную точку большого исторического движения.

Именно поэтому поздний IX век можно считать моментом зрелости ранней астурийской концепции. Здесь сходятся её главные элементы: память о вестготском прошлом, объяснение катастрофы как наказания, сохранение севера как знака незавершённости мусульманской победы и ожидание восстановления как исторической необходимости. Потеря перестаёт быть только бедствием; она становится этапом в истории, которая должна завершиться возвращением церкви, королевства и законной Испании.

Неоготская идея и наследие Исидора Севильского

Такой способ письма был тесно связан с неоготской идеологией астурийской монархии. Северные короли не просто управляли уцелевшими территориями; они стремились представить себя наследниками вестготского порядка. `Хроника Альфонсо III`, задумавшаяся как продолжение исторической линии Исидора Севильского, особенно ясно показывает эту установку. Речь шла не только о преемстве династии или о политическом престиже. Через обращение к вестготскому прошлому конструировался образ законной Испании, временно отнятой, но не утраченной в правовом и религиозном смысле.

Исидор Севильский создал мощный образ `Hispania` как политического и церковного целого, и позднейшие авторы работали именно в этом понятийном поле. Когда астурийские хронисты писали о гибели готов, о разорении страны и о Божьем промысле, они имели в виду не просто набор областей, а целостную Испанию. Поэтому реконкистский язык с самого начала был не только военным, но и историко-правовым: речь шла о восстановлении порядка, некогда уже существовавшего.

Неоготская идея, впрочем, не должна пониматься слишком наивно. Астурийские и затем леонские правители не «унаследовали» Испанию автоматически; они добивались признания такого наследия в языке хроник, генеалогий, церковного письма и придворной памяти. Иначе говоря, неоготская монархия была не остатком прежнего порядка, а его сознательным политическим изобретением в новых условиях. Тем сильнее было значение текста. Там, где военная реальность ещё не позволяла говорить от имени всей Испании, хронисты уже создавали такую возможность в историческом воображении.

Спор историков: ранний идеал, поздняя конструкция или эволюция идеи

Именно здесь возникают и наиболее содержательные споры современной историографии. Дерек Ломакс подчёркивал, что идея реконкисты не была искусственной поздней выдумкой, а сложилась очень рано, в христианской среде, и особенно ясно оформилась в астурийской письменности IX века. В этой перспективе реконкиста понималась как длительный, но внутренне цельный исторический идеал, который затем лишь менял свои формы.

Питер Лайнхэн, напротив, предлагал смотреть на этот язык более критически и подчёркивал конструктивный характер астурийской историографии. Для него особенно важно было не то, что идея «существовала», а то, как именно она была создана в определённой придворной и церковной среде. Этот подход заставляет внимательнее относиться к условиям производства хроник и не принимать неоготскую риторику за прямое зеркало политической реальности.

Ричард Флетчер, в свою очередь, предостерегал от слишком прямолинейного переноса поздней идеологии на более ранний период. Его осторожность особенно полезна потому, что напоминает: между языком хронистов и реальной практикой северных государств лежала значительная дистанция. То, что астурийские авторы сумели сформулировать образ восстановления Испании, ещё не означает, что все христианские правители IX—XI веков действовали как носители единой и последовательной программы.

Этот спор не следует понимать как выбор между «истинной» и «ложной» реконкистой. Скорее он помогает точнее развести уровни анализа. Если принять только ранний «максималистский» взгляд, легко переоценить цельность идеи. Если принять только скептическую линию, легко недооценить силу уже сложившейся астурийской памяти. Наиболее продуктивным представляется промежуточный вывод: в IX веке действительно возникает исторический язык восстановления, но он ещё не совпадает полностью с практикой политики и войны. Иными словами, реконкиста сначала родилась как форма памяти и легитимации, а уже затем превратилась в долговременную политическую рамку.

Историческая идея до большой политики

Однако было бы ошибкой считать, что эта схема сразу же определяла практику всех христианских государей полуострова. Между идеологией хроник и политической реальностью лежала большая дистанция. На протяжении IX, X и значительной части XI века северные христианские земли чаще реагировали на давление юга, чем задавали общий ход событий. Именно поэтому полезно различать два уровня. На уровне историографической конструкции идея возвращения Испании уже существовала. На уровне политической практики она долгое время оставалась скорее горизонтом надежды, чем планом последовательного действия.

Из всего сказанного вытекает важный вывод. Реконкиста не возникла сразу как готовая многовековая программа, но и не была чистой поздней выдумкой. Её ранние основания следует искать в постепенном превращении памяти о потере в язык восстановления. Именно этот переход — от скорби к праву, от описания катастрофы к идее возвращения — и создаёт исходный слой той исторической традиции, которая позднее позволит христианским государям мыслить свои войны не только как борьбу за выживание или расширение власти, но и как восстановление нарушенного порядка.

Глава 2. Между пограничной войной и политическим расчётом: христиане и мусульмане в XI веке

Если в ранней астурийской и леонской историографии постепенно складывался язык утраты и восстановления, то политическая жизнь XI века показывает совсем другую сторону испанской реальности. Здесь мы видим не прямую линию христианского наступления против мусульманского юга, а сложную систему конкуренции, переговоров, даней, краткосрочных союзов и насилия, которое нередко переходило границы конфессионального деления. Именно поэтому XI век следует рассматривать как время, когда будущая реконкиста ещё не свелась к одной понятной схеме. Она существовала одновременно как пограничная практика, как политический расчёт и как всё более весомая историческая амбиция.

Распад Кордовского халифата в начале XI века открыл перед северными государствами новые возможности. На месте прежнего централизованного порядка возникли многочисленные тайфы, слабые в военном отношении и постоянно вовлечённые в соперничество друг с другом. Это изменило всю политическую географию полуострова. Христианские короли могли теперь не только обороняться или совершать набеги, но и вмешиваться в мусульманские споры, поддерживать одного эмира против другого, требовать за это деньги и использовать чужую раздробленность в своих интересах. Так возникла одна из важнейших форм межполитических отношений XI века — система *parias*.

Parias как политическая технология христианского усиления

Parias — так в средневековой Испании называли денежные выплаты, которые мусульманские правители тайф выплачивали христианским королям за мир, защиту, союз или отсрочку нападения. Это были не просто дары и не обычная дипломатическая вежливость, а регулярная форма зависимости, возникшая в условиях раздробленности аль-Андалуса после распада Кордовского халифата.

Parias были не просто данью в узком фискальном смысле. Они представляли собой механизм подчинения, через который мусульманские правители покупали мир, защиту или временную поддержку у северных государей. В одних случаях эти выплаты становились результатом прямого военного давления, в других — ценой участия христианского государя во внутренней войне тайф. Именно поэтому *parias* нельзя понимать как второстепенное приложение к истории реконкисты. Они были одним из важнейших инструментов перераспределения сил на полуострове.

Благодаря им христианские правители получали деньги, усиливали дворы, кормили дружины и приобретали политическое влияние далеко за пределами собственных границ. Тайфа, платившая дань, ещё сохраняла имя и двор, но уже теряла главное — свободу распоряжаться собственной судьбой без оглядки на север. Христианский король в такой системе выступал уже не только как сосед и противник, но и как судья чужой слабости: тот, кому платят, чтобы отсрочить удар, и тот, кто извлекает силу из самого страха перед своей силой.

Их значение было не только финансовым. Деньги усиливали монархию, позволяли содержать дружины, покупать лояльность, вести более амбициозную внешнюю политику. Но не менее важным было и изменение самой политической иерархии. Правитель, принимающий дань, уже выступал не как равный сосед, а как сила более высокого порядка. Таким образом, XI век был временем, когда христианское усиление рождалось не только из победы на поле боя, но и из способности превращать раздробленность мусульманского юга в устойчивый источник ресурсов, зависимости и символического превосходства.

Коимбра 1064 года: западный рубеж христианского продвижения

Одним из первых действительно заметных сдвигов века стало взятие Коимбры Фернандо I в 1064 году. Это завоевание имело значение не только для западной части полуострова, но и для всей логики христианского наступления. Коимбра находилась на границе тех пространств, где северные государства уже могли переходить от кратких разорительных экспедиций к более устойчивому закреплению на местности. Именно поэтому её падение показывает, что в середине XI века пограничная война постепенно начинала приносить результаты, которые уже нельзя было считать случайными.

Сама кампания против Коимбры была не быстрым набегом, а настоящей осадой. Фернандо I подошёл к городу в январе 1064 года, и борьба растянулась почти на шесть месяцев. Перед началом похода король посетил Сантьяго-де-Компостела, что придавало предприятию не только военный, но и религиозно-политический смысл. Войско двигалось к Коимбре через западные земли, а важную роль в подготовке и понимании местной обстановки сыграл Сиснандо Давидиш — мосарабский деятель, хорошо знавший как христианскую, так и мусульманскую политическую среду. Его участие особенно показательно: взятие Коимбры было не только делом силы, но и делом знания фронта.

Осада оказалась тяжёлой. Гарнизон сопротивлялся упорно, а положение самих христиан не было безоблачным: снабжение войска было трудным, и Фернандо, по поздней традиции, даже думал о снятии осады. Но именно длительность операции и показывает новый уровень христианского давления. Это была уже не кавалькада, после которой отряд возвращается с добычей, а настойчивое удержание войска под стенами до тех пор, пока город не окажется на пределе. В конце осады христианам удалось пробить стену таранами. После этого часть мусульманского руководства попыталась договориться о сдаче, но сопротивление внутри города продолжалось. 9 июля 1064 года Коимбра была взята штурмом. Источники сообщают о большом числе пленных, а сам город перешёл под власть Фернандо I.

Военный смысл Коимбры заключался в её положении между севером Португалии и мусульманским югом. Взять такой город значило не просто сломать местный гарнизон. Это означало выдвинуть христианскую силу дальше к югу, укрепить линию контроля и создать новый узел последующего давления. На фоне мира тайф, где власть была раздроблена и зависела от локального баланса, подобный успех приобретал особую ценность. Он показывал, что христианские государи уже способны не только грабить окраины, но и перестраивать карту владения.

Не менее важным было то, что после победы Коимбра не была оставлена как разовый трофей. Управление городом и округой было связано с Сиснандо Давидишем, которому предстояло не просто удерживать крепость, но и заново организовывать её хозяйственную и политическую жизнь. Позднее с его именем связывали укрепление Коимбры, восстановление местной инфраструктуры и превращение города в важный центр западного фронта. Именно поэтому Коимбра может быть прочитана как один из ранних признаков того, что северная монархия учится превращать успех осады в долговременное присутствие. Здесь война уже начинает производить не только добычу, но и пространство новой власти.

Фернандо I и военная экономика давления

Фернандо I Великий, король Леона и Кастилии, правил в середине XI века и оказался одним из первых северных государей, при которых христианская власть начала не только обороняться и совершать набеги, но и систематически давить на мусульманские тайфы. Его значение состоит не только в отдельных военных успехах, но и в том, что при нём война, дань и дипломатическое давление начинают работать как единая политика усиления.

Политика Фернандо I важна не только перечнем успехов, но и способом их достижения. Его война против мусульманских соседей строилась на чередовании силы и расчёта. Он мог осаждать, разорять, принимать дань, а затем вновь возвращаться к вооружённому давлению, если противник пытался выйти из навязанной зависимости. Такая стратегия не выглядела столь торжественно, как позднейшие великие победы, но именно в ней рождалась новая форма христианского усиления.

Это особенно заметно в том, как военная угроза превращалась в систему ресурсов. Король не обязательно стремился немедленно присоединить каждую слабую тайфу. Нередко ему было выгоднее сохранить её как формально отдельного, но зависимого правителя, регулярно выплачивающего деньги. Такая модель была менее зрелищной, чем открытое завоевание, но зачастую более полезной. Она позволяла усиливать двор без немедленного расширения административного бремени, кормить дружины чужими средствами и одновременно вмешиваться во внутренние конфликты юга с позиции силы.

Граница при Фернандо I была уже не только местом опасности; она становилась мастерской королевского роста. Король действовал так, словно сама слабость юга была одним из его политических ресурсов. В этом и состоит одна из самых глубоких черт XI века. Христианская политика ещё не стала прямолинейным движением окончательного вытеснения мусульманской власти, но уже превратилась в устойчивую систему давления, в которой война, деньги и престиж были неразделимы.

Граус, Барбастро и северо-восточный театр войны

Если запад полуострова даёт пример закрепления на португальском направлении, то северо-восток особенно ясно показывает, насколько подвижной и многослойной была сама структура войны. Здесь сталкивались Арагон, Наварра, каталонские силы, тайфы Сарагосы и Лериды, а затем и рыцари из-за Пиренеев. Это был фронтир иного типа: более тесный, горный, насыщенный крепостями, речными долинами и небольшими, но стратегически важными городами. Именно поэтому события вокруг Грауса и Барбастро столь важны для понимания XI века. На этом участке войны особенно ясно видно, что христианское наступление развивалось не плавно, а через чередование тяжёлых поражений, смелых экспедиций, международной помощи и кратковременных успехов.

Граус занимал важное положение на северной окраине мусульманских владений в долине Синки. Для Арагона его взятие означало бы продвижение к более богатым равнинным землям и усиление давления на Сарагосу. Для тайфы Сарагосы, напротив, удержание Грауса было вопросом безопасности северной линии обороны. Поэтому поход Рамиро I Арагонского против Грауса был не случайной вылазкой, а частью более широкого стремления молодого Арагонского королевства прорваться из горной зоны к югу. Рамиро I, первый король Арагона, уже расширил своё государство за счёт Собрарбе и Рибаргорсы; теперь его удар по Граусу должен был закрепить это движение и открыть новую фазу арагонского наступления.

Битва при Граусе, традиционно относимая к 1063 году, стала для Арагона тяжёлым ударом. Рамиро осадил город, но мусульманская Сарагоса не осталась одна. Правитель тайфы аль-Муктадир получил поддержку кастильского инфанта Санчо, будущего Санчо II. Это обстоятельство особенно важно: в XI веке конфессиональная граница ещё не всегда совпадала с политической. Кастилия могла поддержать мусульманскую Сарагосу против христианского Арагона, потому что за этим стояли даннические и политические интересы. Сарагоса была связана с кастильской силой системой *pagías*, и потому её защита могла быть выгодна северному христианскому государю не меньше, чем её разгром.

Военная ситуация под Граусом была опасной для арагонцев именно потому, что осада внезапно превратилась в столкновение с внешней деблокирующей силой. Рамиро рассчитывал давить на крепость, но перед ним оказалась коалиция Сарагосы и Кастилии. В таких условиях осаждающий сам становился уязвимым: его войско было связано лагерем, обозом, линиями снабжения и необходимостью держать давление на город, тогда как противник мог ударить извне. Граус показал одну из постоянных опасностей осадной войны: крепость могла быть почти достигнутой целью, но появление сильного союзника у защитников сразу меняло ход кампании.

Самым тяжёлым последствием стала гибель Рамиро I. Арагонская и позднейшая испанская традиция связывала его смерть с боем у стен Грауса; в одном из рассказов говорится о воине, который, приблизившись к королю, нанёс ему смертельный удар копьём. Как бы ни передавались детали, политический смысл события ясен: молодой Арагон потерял своего первого короля именно в момент попытки прорваться к югу. Это была не просто неудачная осада, а кризис всего арагонского наступления. Гибель государя превращала поражение в событие династического и стратегического масштаба.

Поэтому Граус важен не как рядовой эпизод, а как напоминание о цене фронтирной войны. Христианское продвижение на северо-востоке далеко не всегда было победоносным. Один неудачный поход мог стоить короны её правителя, остановить наступление и заставить искать новую форму действий. Именно после такого удара становится понятнее значение следующей крупной операции — похода на Барбастро. Барбастро был не просто очередной целью: он стал ответом на уязвимость Арагона и свидетельством того, что местной силы уже недоста-

точно. Чтобы продолжать войну на этом направлении, требовались союзники, международная поддержка и новый масштаб мобилизации.

Барбастро находился в зоне тайфы Лериды и был важным укрепленным городом на северо-восточном фронтире. Его взятие в 1064 году стало одной из самых громких операций XI века. Поход отличался от многих прежних кампаний тем, что в нём участвовали не только местные силы, но и крупные отряды из-за Пиренеев. В экспедиции были франки, бургундцы, аквитанцы, норманны, каталонцы и арагонцы; папская поддержка Александра II придала предприятию особый религиозный престиж. Именно поэтому позднейшая историография нередко называла Барбастро «крестовым походом до крестовых походов», хотя сам его статус остаётся предметом обсуждения. Для нашего анализа важнее другое: уже в 1064 году испанский фронт оказался способен привлечь широкую латинскую военную энергию.

Военный ход операции был осадным. Христианское войско перешло Пиренеи, прошло через северо-восточные земли и подошло к Барбастро. Город был не просто атакован с ходу, а осаждён. Источники говорят о примерно сорокадневной осаде, после которой защитники капитулировали. Здесь особенно ясно видно отличие Барбастро от обычного набега. Целью было не сжечь округу и уйти с добычей, а взять укрепленный центр. Для этого требовалось удерживать разноязычное и разнородное войско под стенами, сохранять дисциплину, поддерживать снабжение и довести гарнизон до момента, когда сопротивление перестанет быть возможным.

Сама осада Барбастро была важна ещё и тем, что соединяла несколько разных интересов. Для Арагона и каталонских сил это был удар по мусульманской северо-восточной линии. Для французских и бургундских рыцарей — возможность участвовать в престижной войне против мусульман и получить добычу. Для папства — ранний опыт включения испанской войны в более широкий язык защиты христианства. Для местных правителей — способ компенсировать слабость после поражения при Граусе. Поэтому под Барбастро сошлись не только армии, но и разные представления о том, чем должна быть война на полуострове: местной реконкистой, военным предприятием знати, религиозно окрашенной экспедицией и источником добычи.

После капитуляции город был взят и разграблен. Источники, особенно мусульманские, передают картину тяжёлого насилия, пленения и огромной добычи; приводимые в них числа явно имеют характер риторического преувеличения, но сам факт жестокой расправы и большого грабежа сомнений не вызывает. Барбастро стал для современников потрясением именно потому, что это был не обычный пограничный налёт, а падение укрепленного мусульманского города под ударом международной христианской коалиции. Победа была громкой, богатой и символически важной.

Но именно здесь обнаружился главный предел этой операции. Взять Барбастро оказалось возможным; удержать его — гораздо труднее. Управление городом было поручено Эрменголу III Урхельскому, однако христианская власть в Барбастро продержалась недолго. Уже в 1065 году мусульмане вернули город. Это обстоятельство делает Барбастро особенно ценным для понимания XI века. Перед нами победа без долговременной консолидации: яркий штурм, богатая добыча, религиозный престиж, международное участие — и всё же отсутствие той устойчивой системы, которая позднее позволит христианским государям удерживать крупные завоевания.

Именно поэтому Граус и Барбастро следует читать вместе. Граус показывает опасность северо-восточного фронта: Арагон мог потерять короля у стен одного города, если противник получал сильную помощь. Барбастро показывает другую сторону той же реальности: христианские силы уже могли собрать крупную международную экспедицию и добиться блестящего успеха, но ещё не всегда умели превратить его в устойчивый порядок. Между этими двумя событиями видна вся сложность XI века. Это было время, когда христианская военная энер-

гия быстро росла, но институциональная способность удерживать завоёванное ещё отставала от способности брать.

В этом отношении северо-восточный театр войны особенно важен для всей истории реконкисты. Здесь раньше, чем во многих других местах, проявились черты будущего: международное участие, папское поощрение, осадная война, стремление к захвату городов и использование победы как символа христианского наступления. Но здесь же проявились и пределы ранней фазы: отсутствие прочной гарнизонной системы, зависимость от союзников, трудности управления и уязвимость захваченного города перед ответным ударом. Граус и Барбастро вместе показывают, что XI век был не эпохой прямого и непрерывного триумфа, а школой войны, в которой христианские королевства учились на поражениях не меньше, чем на победах.

Сарагоса как школа пограничной политики

Если Барбастро показывает предел кратковременной победы, то Сарагоса даёт образ более устойчивой и тонкой политической игры. Среди всех тайф XI века Сарагоса занимала место особое. Если Толедо был символическим центром старой Испании, а Бадахос важен в борьбе за запад, то Сарагоса стала почти идеальной лабораторией пограничной политики. Здесь особенно ясно видно, что христианское и мусульманское противостояние XI века не сводилось к простой схеме двух неподвижных лагерей.

Сарагоса была богата, стратегически важна и уязвима одновременно. Она стояла на северо-востоке аль-Андалуса, рядом с Арагоном, Наваррой, каталонскими графствами и зоной кастильского влияния. Поэтому её правителям приходилось вести войну не только мечом, но и дипломатией. Для христианских государей северо-востока Сарагоса была одновременно добычей, союзником и источником денег. Для мусульманских правителей она была пограничной крепостью и дипломатическим узлом, через который можно было играть на раздорах между самими христианами.

Именно здесь особенно выразительно выступает фигура Родриго Диаса де Вивара — Сиды. После изгнания из Кастилии он поступил на службу к правителям Сарагосы и почти десятилетие воевал в их интересах. Это не было случайным эпизодом его биографии. Сарагоса нуждалась в опытном полководце, способном защищать её от соседних тайф, каталонских графов и арагонского давления. Сид, в свою очередь, нашёл здесь пространство для военной карьеры, не связанной напрямую с верностью одному христианскому королю. Британника прямо отмечает, что в службе сарагосским правителям он укрепил свою репутацию полководца, который «никогда не был побеждён в бою».

Первым особенно показательным эпизодом стала битва при Альменаре в 1082 году. В это время Сарагоса была втянута в конфликт с тайфой Лериды, а за Леридой стояли каталонские союзники, включая графа Барселоны Беренгера Рамона II. То есть перед нами не простая война мусульман против христиан, а смешанная коалиционная борьба: мусульманская Сарагоса вместе с христианским Сидом против мусульманской Лериды и её христианских каталонских союзников. В военном отношении сражение было связано с попыткой снять давление с крепости Альменар. Сид действовал как командующий сарагосскими силами и сумел разгромить противников. Граф Барселоны попал в плен, что сразу превратило победу не только в военный, но и в политический успех.

Значение Альменара в том, что он показывает реальную природу северо-восточного фронта. Сарагоса воевала не одна и не только против христиан. Она использовала христианского полководца, чтобы победить мусульманского соперника и каталонских союзников этого соперника. Сид же действовал не как романтический герой поздней легенды, а как профессиональный воин XI века, чья сила состояла в умении командовать, маневрировать и пользоваться раздробленностью пограничного мира. Альменар показывает, что военная слава в таком обществе могла рождаться не из простой конфессиональной схемы, а из способности побеждать в сложной системе союзов.

Ещё более выразительным стал эпизод у Морельи, обычно относимый к 1084 году. Здесь Сид, снова действуя на стороне Сарагосы, столкнулся уже с войском Санчо Рамиреса, короля Арагона и Наварры. Арагон в это время давил на мусульманские владения северо-востока, стремясь закрепиться южнее горной зоны. Сарагоса, напротив, пыталась удержать свои рубежи и не дать арагонцам прорваться к более богатым землям. Кампания вокруг Морельи показывает, что Сид был для Сарагосы не просто наёмником при дворе, а настоящим военным инструментом обороны и контрудара. В результате арагонско-наваррская армия потерпела поражение, а источники сообщают о большом числе пленных.

Военный смысл Морелы был особенно важен. Арагон наступал, Сарагоса оборонялась, но оборона велась активно. Сид не просто ждал удара под стенами города; он сам разорял вражескую территорию, укреплял позиции, вынуждал противника отвечать и затем наносил удар в удобных условиях. Это уже зрелая пограничная война: рейд, демонстрация силы, вызов противника на столкновение, разгром и возвращение с добычей и пленными. Такая война не имела торжественной простоты большой битвы за столицу, но именно она определяла реальную жизнь северо-восточного фронта.

Поэтому Сарагоса была не только дипломатической школой, но и военной школой XI века. Здесь можно видеть почти все главные формы пограничной борьбы: защиту крепостей, деблокаду осаждённых пунктов, рейды по территории противника, быстрые походы, взятие пленных, союзы с вчерашними врагами и использование профессионального военного таланта вне строгих конфессиональных рамок. Христианский воин мог командовать мусульманским войском; мусульманский правитель мог опираться на христианского полководца; христианский граф мог оказаться в союзе с мусульманской Леридой против мусульманской Сарагосы. Это была не слабость эпохи, а её нормальная политическая логика.

Именно поэтому Сарагоса так важна для понимания XI века. Она показывает, что Реконкиста ещё не была прямым и непрерывным движением одной стороны против другой. Война с мусульманами уже существовала, христианское давление уже росло, идея восстановления уже имела силу; но реальная политика фронта была гораздо сложнее. Здесь решали деньги, крепости, союзы, личная военная репутация и способность быстро менять конфигурацию сил.

В этой двойной функции и состоит значение Сарагосы. Для христианских государей она была целью, источником *ragas* и временным союзником. Для её мусульманских правителей — щитом против Арагона, полем дипломатического манёвра и опорой в борьбе с другими тайфами. Для Сиды — пространством, где его военный талант проявился особенно ярко. А для историка Сарагоса остаётся одним из лучших примеров того, что XI век был временем, когда война, вассалитет, дань, союз и скрытая вражда существовали как части одной и той же пограничной системы.

Бадахос и западный баланс сил

Если Сарагоса показывает северо-восточную лабораторию пограничной политики, то Бадахос делает видимой ту же логику на западе полуострова. Речь идёт не просто о городе, а о тайфе Бадахоса — одном из крупнейших мусульманских государств, возникших после распада Кордовского халифата. Сам Бадахос расположен на западе Иберийского полуострова, у реки Гвадиана, недалеко от нынешней границы Испании и Португалии. Такое положение делало его естественным узлом между внутренней Эстремадурой, западными дорогами к Атлантике, южными мусульманскими землями и северным христианским давлением.

Как город Бадахос имел большое стратегическое значение. Он стоял не в глубокой изоляции, а на пересечении путей, которые связывали Мериду, Лиссабон, долину Гвадианы и западные области аль-Андалуса. Контроль над ним означал контроль над важной частью западного фронта. Для мусульманских правителей это была крепость и административный центр, способный удерживать западную линию обороны. Для Леона и Кастилии — ключ к дальнейшему давлению на юго-запад и к постепенному продвижению в сторону будущей Португалии и Эстремадуры.

В XI веке Бадахос стал центром большой тайфы, которой управляла династия Бану аль-Афтас. Её владения охватывали значительную часть западного аль-Андалуса и были связаны с такими важными центрами, как Мерида, Лиссабон и западные пути к Атлантическому побережью. Поэтому Бадахос был важен не только сам по себе, но и как узел всей западной системы власти, войны и коммуникаций.

Его значение определялось положением между леонско-кастильским севером, будущим португальским направлением и мусульманским юго-западом. Пока Бадахос сохранял самостоятельность, он мог быть щитом против христианского продвижения, источником дани, союзником в одной кампании и объектом давления в другой. Для Фернандо I и затем Альфонсо VI он был частью большой стратегии западного наступления: его можно было не сразу завоёвывать, но систематически ослаблять, заставляя платить и втягивать в зависимость.

Бадахос особенно хорошо показывает, что война на западе была неотделима от вопроса о Португалии и долине Мондегу. Потеря Коимбры в 1064 году была для западного мусульманского мира серьёзным ударом: христианская власть выдвигалась южнее и создавала новый плацдарм давления. Для Бадахоса это означало, что северная угроза становится ближе и устойчивее. Он уже не мог воспринимать христианские набеги как отдельные вспышки; перед ним возникала сила, способная закрепляться на земле и менять карту владения.

Не менее важной была связь Бадахоса с Магрибом. На западе полуострова особенно рано стало ясно, что судьба тайф зависит не только от отношений с соседними христианами, но и от способности искать поддержку за морем. После победы альморавидов при Саграхасе, недалеко от Бадахоса, в 1086 году североафриканский фактор стал решающим для всего западного аль-Андалуса. Эта битва была крупным поражением Альфонсо VI и показала, что мусульманский юг ещё может получить мощную внешнюю поддержку из Магриба.

Именно поэтому Бадахос так важен для понимания XI века. Он показывает, что христианское усиление шло не только через громкие завоевания, но и через длительное превращение мусульманских правителей в зависимых акторов. Тайфа ещё могла сохранять двор, династию и внешнюю самостоятельность, но уже теряла свободу действовать без оглядки на Леон и Кастилию. В этом смысле Бадахос хорошо дополняет картину *parias*: западная реконкиста развивалась не только через меч и осаду, но и через давление, дань, дипломатическое вмешательство и постепенное лишение мусульманских правителей политической самостоятельности.

Альфонсо VI и пределы политики арбитража

При Альфонсо VI система давления на мусульманские тайфы достигает наибольшей зрелости. Альфонсо VI был королём Леона и Кастилии, одним из самых сильных христианских государей XI века. Его значение состоит в том, что он действовал уже не как правитель, занятый только обороной северных рубежей, а как монарх, претендующий на влияние над всем полуостровом. Именно при нём христианская власть начала особенно уверенно пользоваться раздробленностью мусульманского юга: принимать *pagias*, вмешиваться в споры между тайфами, поддерживать одного правителя против другого и превращать политическую слабость аль-Андалуса в источник собственного роста.

Его положение имело уже почти общеиспанский характер. Альфонсо VI стремился выступать не просто как сильнейший северный государь, а как арбитр всей Испании. Не случайно с его именем связывают титулование в духе «императора всей Испании». В этом была не пустая гордость, а политическая программа: христианская монархия больше не ограничивалась выживанием и локальным ответом на угрозу. Она училась мыслить себя силой, способной определять судьбу всего полуострова.

На практике это выражалось в постоянном вмешательстве в дела тайф. Одни мусульманские правители платили ему дань, другие искали его поддержки против соседей, третьи пытались откупиться от прямого давления. Альфонсо мог выступать защитником, судьёй, союзником и угрозой одновременно. В этом и состояла сила его политики: он не всегда должен был немедленно завоёвывать город, чтобы подчинить его своему влиянию. Иногда достаточно было заставить тайфу платить, признать зависимость или искать его посредничества в собственных внутренних конфликтах.

Вершиной этой политики стало взятие Толедо в 1085 году. Этот город был не просто крупным стратегическим центром. Толедо был древней вестготской столицей, и его возвращение под христианскую власть имело огромное символическое значение. Для Альфонсо VI это была победа, подтверждавшая его претензию на историческое восстановление Испании. Если северные хронисты уже давно говорили о преемстве с вестготским прошлым, то теперь это преемство получало материальное выражение: старая столица снова оказывалась в руках христианского государя.

Но именно успех Альфонсо VI обнаружил и предел всей прежней системы. До тех пор пока тайфы были раздроблены и боялись друг друга не меньше, чем христиан, политика давления, дани и арбитража работала. Мусульманские правители могли терпеть унизительные выплаты, пока это помогало им удерживать собственные троны. Но падение Толедо показало, что речь идёт уже не просто о дани и дипломатическом давлении. Христианская монархия начала забирать крупнейшие города. Для тайф это означало, что старая игра становится смертельно опасной.

Именно поэтому слабые мусульманские правители оказались вынуждены искать помощь извне. Обращение к альморавидам из Магриба было прямым следствием успехов Альфонсо VI. Мир, который долго кормил и усиливал северную монархию, сам породил условия для появления нового, куда более опасного противника. В 1086 году при Саграхасе Альфонсо потерпел тяжёлое поражение от альморавидов. Эта битва не уничтожила его достижения, но ясно показала: эпоха лёгкого господства над раздробленными тайфами подходит к концу.

В этом и состоит драматургия правления Альфонсо VI. Он стал вершиной старого режима и одновременно его кризисом. Его политика довела систему *pagias*, арбитража и давления до максимального успеха — взятия Толедо. Но именно этот успех заставил мусульманский юг искать внешнюю силу, способную восстановить равновесие. Так XI век подошёл к своему пределу: христианская монархия уже доказала, что может не только брать дань, но и

возвращать великие города; мусульманская Испания, в ответ, впервые за долгое время снова получила поддержку мощной североафриканской державы.

Сид и Валенсия: человек эпохи, а не только герой памяти

Если Толедо показывает королевскую форму христианского успеха, то Сид и Валенсия показывают его частную, почти личную форму. Родриго Диас де Вивар, вошедший в историю как Сид, был кастильским рыцарем и полководцем второй половины XI века. Его жизнь пришлась именно на тот период, когда граница между христианским севером и мусульманским югом была не только линией войны, но и пространством службы, союзов, изгнаний, наёмничества и личного возвышения.

Фигура Сиды особенно важна потому, что в ней с необычайной ясностью сошлись все основные противоречия XI века. В более поздней памяти он стал почти идеальным образом христианского воина, преданного делу освобождения Испании. Но историческая реальность его жизни была сложнее и потому интереснее. Перед нами не герой уже окончательно сложившейся реконкистской идеологии, а человек фронта, существующий в мире, где военная служба, честь, выгода, верность и политическое выживание постоянно пересекались.

После конфликта с Альфонсо VI Родриго оказался в изгнании, но это не уничтожило его как военную силу. Напротив, изгнание сделало особенно явным его главный ресурс — способность существовать вне обычной иерархии двора и строить власть на собственной военной репутации. Именно здесь особенно важна его служба сарагосским правителям. Сид служил мусульманской Сарагосе не как случайный наёмник, а как серьёзный военный командир, чья сила была нужна в борьбе против соседних тайф, каталонских графов и арагонского давления.

Военные эпизоды этой службы особенно показательны. В битве при Альменаре в 1082 году Сид, действуя на стороне Сарагосы, столкнулся с силами Лериды и её христианских союзников. Победа принесла ему не только добычу, но и огромный престиж: граф Барселоны оказался в плену. В 1084 году у Морельи Сид снова проявил себя как полководец фронта, разгромив противников Сарагосы и показав, что его сила не зависит от положения при кастильском дворе. Эти победы важны потому, что показывают реальную логику XI века: христианский рыцарь мог служить мусульманскому правителю, сражаться против других христианских сил и при этом оставаться частью широкой христианской военной культуры своего времени.

Вышей точкой этой биографии становится Валенсия. К концу XI века этот богатый приморский город оказался в центре борьбы между местными мусульманскими группировками, Кастилией, Сарагосой, Барселоной и растущей альморавидской угрозой. Сид постепенно превратился в главную силу левантийского фронта. Он действовал не только как воин, но и как самостоятельный политический игрок: заключал союзы, давил на города, собирал дань, поддерживал одних правителей против других и шаг за шагом подчинял себе пространство вокруг Валенсии.

Взятие Валенсии в 1094 году стало вершиной его карьеры. Это была не случайная победа и не простой набег. Город был доведён до капитуляции долгим давлением, блокадой и политическим манёвром. Сид сумел сделать то, что обычно требовало королевского аппарата: овладеть крупным городом, удержать его и превратить в собственный центр власти. Здесь он уже не просто изгнанник, не только вассал и не только наёмный командир. В Валенсии он становится почти самостоятельным владыкой, создавшим личное господство в мире общего распада.

Особенно важно, что Сид не только взял Валенсию, но и сумел защитить её. Уже вскоре после захвата город оказался под угрозой альморавидов. Победа при Куарте в 1094 году показала, что власть Сиды не была пустой военной удачей: он смог отразить серьёзный внешний удар и удержать город в момент, когда альморавидская сила уже изменила весь баланс на полуострове. Позднее, в 1097 году, победа у Байрена снова подтвердила, что Валенсия Сиды была не случайным трофеем, а реальным центром силы.

Но устойчивость этого господства была ограниченной. Удержать Валенсию значило не просто овладеть городом. Нужно было держать гарнизон, сохранять лояльность окружения, подавлять внутреннее сопротивление, отражать альморавидское давление и поддерживать сложную систему союзов. Валенсия Сиды была впечатляющим достижением, но она опиралась прежде всего на личную энергию одного человека. Пока Родриго жил, его власть казалась прочной. После его смерти в 1099 году стало очевидно, насколько многое держалось именно на нём.

Его жена Химена ещё некоторое время удерживала город, но без самого Сиды Валенсия стала почти невозможной для защиты. В 1102 году Альфонсо VI пришёл на помощь, но сохранить город надолго не смог. Христиане оставили Валенсию, и она перешла под власть альморавидов. Этот финал особенно важен. Он показывает предел частной формы реконкисты: личная доблесть и военный талант могли создать почти государство, но без глубокой институциональной опоры удержать его после смерти вождя было трудно.

Именно поэтому фигура Сиды так важна для понимания XI века. В ней эпоха как будто сама даёт о себе свидетельство: христианский воин, изгнанник, полководец мусульманского правителя, победитель при Альменаре и Морелье, завоеватель Валенсии и будущая легенда соединяются в одной биографии. Сид не умаляет идеи Реконкисты, а показывает её живую раннюю сложность. До того как она стала более чётким государственным и крестоносным проектом, она существовала в мире фронта, где личная сила, военная слава и политический расчёт могли временно заменить целую государственную систему.

Толедо 1085 года: от давления к завоеванию

Но если карьера Сиды показывает частную и почти личную форму силы в мире тайф, то Толедо 1085 года являет уже королевский и общеисторический масштаб того же процесса. Из всех событий XI века именно Толедо нуждается в самом подробном рассмотрении. Здесь сошлись политический расчёт, символика древней Испании, слабость мира тайф и уже достаточно окрепшая сила Альфонсо VI. Толедо пал потому, что был ослаблен политически; но после падения был прочитан как город, через который возвращается сама историческая Испания.

Толедо был исключительно трудной целью. Город стоял в центре полуострова, на высоком и скалистом месте, почти со всех сторон охваченном излучиной реки Тахо. Такая география сама превращала его в крепость: подступы были ограничены, мосты и ворота имели огромное значение, а атакующему войску было трудно использовать простое численное превосходство. Толедо нельзя было легко взять внезапным ударом. Его нужно было изолировать, лишить снабжения, отрезать от союзников и довести до политической и продовольственной усталости. Именно поэтому взятие Толедо было не столько одной битвой, сколько длительной операцией на истощение. Старый город расположен на возвышении в изгибе Тахо, а его география делала контроль над мостами и дорогами особенно важным для любой осады.

Давление на Толедо росло постепенно. Город жил в мире, где аль-Андалус уже не представлял собой единого государства, а местные правители были вынуждены лавировать между внутренними соперниками и усиливающимся христианским севером. Правитель Толедо Яхья аль-Кадир оказался слабой фигурой. Он зависел от внешней поддержки, сталкивался с внутренним недовольством и не мог уверенно опереться ни на собственных подданных, ни на соседние тайфы. Альфонсо VI умело пользовался этой слабостью. Его сила состояла не только в войске, но и в способности сделать себя необходимым, опасным и почти неизбежным участником мусульманской политики в центре полуострова. К 1084—1085 годам Толедо был окружён не только военной угрозой, но и новой иерархией власти, в которой христианский король всё явственнее выступал как сила более высокого порядка.

Сама операция развивалась как осада с сильным элементом блокады. Осенью 1084 года Альфонсо VI поставил постоянный лагерь к югу от Толедо, чтобы держать город под непрерывным давлением. Это был важный ход: король не рассчитывал на быстрый штурм, а создавал условия, при которых город постепенно терял свободу движения, снабжения и дипломатического манёвра. Затем, уже весной 1085 года, Альфонсо вернулся с основными силами. Осада вошла в решающую фазу. Толедо оказался в положении города, который ещё имел стены, жителей и престиж, но уже всё хуже мог рассчитывать на помощь извне.

Военная логика осады заключалась не в том, чтобы любой ценой бросить людей на стены. Прямой приступ против такого города был бы дорогим и рискованным. Гораздо разумнее было давить на его жизненные линии: дороги, мосты, подходы к воротам, подвоз продовольствия, возможность связи с соседними мусульманскими правителями. В этом отношении Альфонсо действовал как зрелый политический полководец XI века. Он понимал, что иногда город можно победить раньше, чем разрушить его стены. Если гарнизон не получает помощи, если правитель не способен выплатить требуемое или собрать союзников, если жители устают от неопределённости и голода, крепость начинает падать изнутри.

Особое значение имели мосты и дороги. Толедо был связан с внешним миром через ограниченное число удобных подходов. На востоке важную роль играл мост Алькантара через Тахо — один из древних входов в город. Контроль над такими пунктами позволял осаждающим не просто стоять у стен, а управлять самим режимом сообщения Толедо с окрестностями. Поэтому осада была борьбой не только за стены, но и за движение: кто контролирует мосты,

дороги и подвоз, тот постепенно контролирует судьбу города. Мост Алькантара был одним из важных средневековых доступов к Толедо, что делает его значение в условиях блокады особенно понятным.

При этом Толедо не был единым в своей реакции. Внутри города существовали разные группы: мусульманская правящая верхушка, мосарабы, еврейская община, сторонники и противники аль-Кадира, люди, заинтересованные в продолжении сопротивления, и люди, для которых договор с Альфонсо становился меньшим злом. Именно поэтому падение Толедо нельзя понимать только как внешний военный нажим. Город был сломлен сочетанием внешней блокады, внутренней усталости и политической невозможности продолжать прежнюю игру. Аль-Кадир не смог получить достаточной помощи от соседних тайф, не смог надёжно защитить город и в итоге был вынужден идти к соглашению.

Капитуляция была оформлена в мае 1085 года. Соглашение предусматривало безопасность жителей, сохранение имущества и возможность мусульманам продолжать религиозную жизнь под новой властью; отдельные договорённости касались и еврейского населения. Альфонсо VI вошёл в город 25 мая 1085 года. Это обстоятельство важно: Толедо не был превращён в пустую развалину. Альфонсо стремился получить управляемый город, а не мёртвую добычу. Поэтому победа была оформлена не как безусловное уничтожение, а как переход власти, рассчитанный на удержание и дальнейшее использование города.

Именно в этом Толедо принадлежит одновременно двум эпохам. С одной стороны, его взятие стало событием огромного исторического масштаба: христианский король овладел древней вестготской столицей, городом, где память о прежней Испании была особенно сильна. С другой стороны, техника победы ещё принадлежала миру XI века: давление, переговоры, использование внутренних слабостей, договорная сдача и расчёт на постепенную интеграцию. Это ещё не была позднейшая осадная война с мощной артиллерией и полным разрушением обороны. Это была победа политики, блокады и времени.

Толедо был не тем городом, который можно было взять и не изменить этим весь полуостров. Он связывал христианское воображение с вестготским прошлым и потому обладал значением, выходящим далеко за пределы обычной стратегической выгоды. Перед Альфонсо VI стоял не просто ещё один мусульманский центр. Перед ним стоял город, в котором военная география и историческая память совпадали почти без остатка. Пока его стены удерживала мусульманская власть, язык восстановления Испании оставался притязанием, опирающимся на хроники, право и память. Но стоило Толедо перейти под власть христианского короля, как прежняя идея становилась осязаемой реальностью.

И всё же именно после него исторический масштаб христианской политики меняется необратимо. Здесь христианская память впервые получила стены, улицы и власть, достойные собственного языка. Если до этого язык восстановления жил главным образом в хрониках, идеях и генеалогических притязаниях, то после 1085 года у него появился город, где этот язык обрёл материальную опору. После Толедо уже нельзя было говорить так, будто речь идёт лишь о набегах и данях: старая столица сама превращала успех в программу.

Но победа имела и обратную сторону. Для правителей тайф падение Толедо стало предупреждением: система *ragías*, дипломатического лавирования и временных уступок больше не гарантирует выживания. Если пал Толедо, мог пасть любой крупный город. Именно поэтому после 1085 года мусульманские правители Севильи, Бадахоса и Гранады всё настойчивее стали искать помощи у альморавидов из Магриба. Так взятие Толедо стало одновременно вершиной политики Альфонсо VI и причиной её кризиса. Оно доказало, что христианская монархия способна возвращать великие города, но именно этим вызвало на полуостров новую североафриканскую силу.

В этом и состоит подлинная драматургия 1085 года. Толедо пал не в результате одной блестящей битвы, а вследствие долгого созревания христианского превосходства: финансового,

дипломатического, военного и символического. Альфонсо VI не просто победил город; он изменил саму шкалу возможного. После Толедо Реконкиста перестала быть только пограничным давлением и стала претензией на восстановление центральной Испании. Именно поэтому 1085 год занимает в истории XI века место рубежа: до него христианские короли могли казаться сильными соседями тайф; после него один из них уже выступал наследником старой столицы и претендентом на руководство судьбой всего полуострова.

Саллака 1086 года: битва, изменившая масштаб войны

Именно поэтому поражение при Саллаке, или Саграхасе, 23 октября 1086 года оказалось столь тяжёлым. Оно произошло почти сразу после величайшего успеха Альфонсо VI — взятия Толедо — и показало, что прежняя модель давления на тайфы подошла к пределу. До этого христианский король мог пользоваться раздробленностью мусульманского юга: брать дань, вмешиваться в споры правителей, поддерживать одного эмира против другого и шаг за шагом превращать тайфы в зависимых участников своей политики. Но после падения Толедо мусульманские правители поняли, что прежняя система уступок больше не спасает. Именно тогда они обратились за помощью к альморавидам из Магриба.

Во главе альморавидского войска стоял Юсуф ибн Ташфин — правитель североафриканской державы, уже обладавшей значительным военным опытом и более строгой дисциплиной, чем армии разрозненных тайф. К нему присоединились силы андалусских правителей, прежде всего аль-Мутамида Севильского, а также Бадахоса, Гранады и других мусульманских центров. Поэтому под Саллакой Альфонсо VI впервые столкнулся не с одной слабой тайфой, а с объединённой армией, где местные андалусские силы были усилены свежим и более суровым альморавидским ядром.

Сражение произошло севернее Бадахоса. Альфонсо VI выступил навстречу противнику с войском Леона и Кастилии, а также с союзными силами северных христианских земель. Его армия состояла прежде всего из тяжёлой конницы, привыкшей решать исход боя мощным ударом. Христианский план, по существу, был прост: прорвать мусульманский строй, разбить андалусские части и не дать альморавидам использовать численное и тактическое преимущество. В начале боя этот расчёт почти сработал. Удар христианской конницы пришёлся по войску андалусских правителей, прежде всего по силам Севильи. Бой был жестоким, и части аль-Мутамида выдержали тяжёлое давление с большим трудом.

Но именно здесь проявилось отличие Саллаки от прежних столкновений с тайфами. За андалусскими войсками стоял Юсуф ибн Ташфин со своими резервами. Когда первая линия мусульманской армии уже была втянута в бой, альморавидские силы нанесли удар, изменивший ход сражения. Важнейшим моментом стал обход и давление на христианский тыл. Часть войск Юсуфа атаковала лагерь Альфонсо, а затем ударила по христианскому войску в момент, когда оно уже было связано тяжёлым боем с андалусцами. В результате первоначальное наступление христианской конницы превратилось в ловушку: войско Альфонсо оказалось под давлением сразу с нескольких сторон.

К концу дня битва обернулась тяжёлым поражением христиан. Значительная часть войска Альфонсо была уничтожена или рассеяна. Сам король был ранен и едва сумел уйти с поля боя с остатками своей конницы. В позднейших рассказах особенно подчёркивалось, что он спасся лишь с небольшой группой приближённых. Даже если численность потерь в источниках преувеличена, сам масштаб поражения не вызывает сомнения: поле осталось за альморавидами, а военная уверенность, возникшая после Толедо, была резко сломлена.

Военное значение Саллаки состояло в том, что она показала предел кастильско-леонской тяжёлой конницы против более гибкой и глубоко эшелонированной мусульманской армии. Альфонсо сумел нанести сильный первый удар, но не смог превратить его в победу. Юсуф, напротив, выдержал начальный натиск, сохранил резервы и использовал их в решающий момент. Это была не просто победа числом. Это была победа более сложного построения: передняя линия принимала удар, а резерв наносил переломный контрудар.

Политические последствия были ещё важнее. Саллака не отменила взятия Толедо: город остался у христиан, и это само по себе показывает, что поражение Альфонсо не уничтожило его предшествующие достижения. Но битва положила конец иллюзии, будто мир тайф будет

и дальше бесконечно питать христианское усиление. После 1086 года северные короли уже не могли рассчитывать только на давление, дань и вмешательство во внутренние споры мусульманских правителей. На полуостров пришла сила, способная защищать аль-Андалус не как набор разрозненных тайф, а как более широкое мусульманское пространство.

Саллака стала разломом в политической логике XI века. До неё христианская монархия росла за счёт раздробленности юга. После неё стало ясно, что эта раздробленность может быть преодолена внешним вмешательством из Магриба. Именно поэтому битва была не только поражением войска Альфонсо VI, но и ударом по самому механизму его политики. Она завершила эпоху, в которой *pagias*, арбитраж и слабость тайф казались достаточной основой христианского превосходства. Теперь война вступала в новую фазу: против северных королевств выступали уже не только местные мусульманские князья, но и североафриканская держава с собственным проектом власти.

В долгой перспективе Саллака имела двойственный результат. С одной стороны, она остановила немедленное расширение Альфонсо VI после Толедо и резко усилила престиж Юсуфа ибн Ташфина. С другой — она показала слабость самих тайф: чтобы выжить, они были вынуждены позвать силу, которая вскоре подчинит их себе. Альморавиды пришли как защитники аль-Андалуса, но после 1086 года стало ясно, что они могут стать не только союзниками тайф, но и их хозяевами. Так поражение христиан при Саллаке одновременно остановило одну фазу Реконкисты и подготовило новую политическую карту мусульманской Испании.

Кунсегра и затянувшийся кризис конца столетия

Если Саллака показала предел старой политики внезапно, то Кунсегра 1097 года показала его как затянувшуюся реальность. Битва произошла 15 августа 1097 года у Кунсегры, к юго-востоку от Толедо. После взятия Толедо этот район приобрёл особое значение: Кунсегра прикрывала подступы к старой вестготской столице и была одной из важных опор христианского контроля на новой южной границе. Именно поэтому удар альморавидов по этому направлению был не случайным рейдом, а попыткой проверить прочность кастильско-леонского господства в центре полуострова.

Альморавидское войско действовало под командованием Мухаммада ибн аль-Хаджа, одного из военачальников Юсуфа ибн Ташфина. Альфонсо VI был вынужден быстро собрать силы и встретить противника у Кунсегры. В христианском войске находились крупные командиры и отряды знати; особую известность этому сражению придало участие Диего Родригеса, единственного сына Сиды. Сам Родриго Диас в это время оставался в Валенсии, но отправил сына с войском на помощь Альфонсо.

Ход битвы был тяжёлым для христиан. Альморавиды использовали более подвижную тактику и сумели расстроить передовые части войска Альфонсо. Христианская конница, привыкшая решать бой мощным ударом, оказалась втянута в столкновение, где противник действовал гибче и организованнее. В какой-то момент строй был нарушен, началось отступление, а затем и разгром значительной части войска. Именно в этой фазе боя погиб Диего Родригес. Его смерть сделала Кунсегра не только военным поражением, но и событием, связанным с памятью о доме Сиды.

После поражения Альфонсо VI с остатками войска отступил в крепость Кунсегры. Это важная деталь: битва не закончилась немедленным падением всей позиции. Альморавиды победили в поле, но затем им пришлось перейти к осаде. Крепость, стоявшая на высоте и контролировавшая окрестную равнину, дала королю возможность пережить поражение и удержаться. Альморавиды осаждали её восемь дней, но взять не смогли и в итоге отступили. Таким образом, сражение завершилось явной победой альморавидов в поле, но не привело к уничтожению христианского опорного пункта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.